

История, которая стирает границы
пространства и времени, прошлого и настоящего

О чем знает ветер

ЭМИ ХАРМОН

AMY HARMON

*What
the Wind
Knows*

ЭМИ ХАРМОН

О чем
знает
ветер

*Посвящается моей прапрабабушке
Энн Галлахер Смит*

Так смелее, отряд сказителей, ловчие слов!
Хроникерам — оглядка;
 вдохновенным — удержу нет,
Ибо поднят сюжет на крыло, точно вальдшнеп.
Ибо — корка, под литерами копыт искрошенная, —
 твердь нам в очи пылит,
Мы же млечною поземью мчимся —
 далее, далее...*

У. Б. Йейтс

Пролог

Ноябрь 1976 г.

— ДЕДУШКА, РАССКАЖИ о своей маме.

Он молчал достаточно долго — молчал и гладил меня по темечку. Я даже подумала, он не расслышал.

— Моя мама была очень красивая. Волосы темные, глаза зеленые — совсем как у тебя.

— Ты по ней тоскуешь?

Две слезинки скатились, смочив дедушкину рубашку, — я ощутила сырость щекой. Сама я невыносимо тосковала по маме.

— Уже нет, — признался дедушка.

— Как же так?

Я вдруг рассердилась. Обязан человек тосковать по родной матери, обязан — и точка! Не тоскует — значит, предает.

— А это потому, что мама всегда со мной, Энни, — объяснил дедушка.

Я заплакала.

— Тише, тише, девочка. Не надо плакать. Когда плачешь, ушки хуже слышат.

— А что им слушать? — Я всхлипнула, забыв, что сержусь.

— Песню ветра, Энни.

Я затаила дыхание. Я даже голову наклонила. Дедушка слышит — значит, и мне нужно.

— И где она, эта песня? Где?

— Не ерепенься. Может, ветер специально для тебя поет.

Ветер выл, а не пел, — выл и бился в окно спальни.

— Сам ветер слышу, — признала я. Подумала: «Хорошо засыпать под этакий вой». Добавила: — Только он не поет. Это больше похоже на крик.

— Ветер внимание твое хочет привлечь. Наверно, сейчас что-то важное сообщит.

— Поэтому плакать нельзя, да?

— Да. Когда я был твоих лет, Энни, я тоже часто плакал. Но один человек сказал: не плачь, все будет хорошо. Ветер наверняка знает.

— О чем знает ветер?

Напевно и мягко — словно волна морская накатила и отступила — дедушка начал декламировать:

— В ветрах укрощенных, в смиренных волнах /
Все память жива о Его чудесах... — и остановился внезапно, словно забыл, как там дальше.

Я тотчас воспользовалась заминкой.

— О каких чудесах, дедушка?

— О тех, что случились на этой земле. Ветру и волнам все давно известно.

— Что им известно?

— Абсолютно все, Энни. Ветер, который сейчас бьется в окно, — тот же самый, что дул в самом начале времен. И дождь тоже. Потому что все повторяется. Время движется по кругу; представь огромный круг — и поймешь. Ветер и волны первыми появились на земле. И камни, и звезды вместе с ними. Только камни говорить не умеют, а звезды слишком далеки.

— Может, им с высоты нас вообще не видно, а, дедушка?

— Пожалуй, ты права. Зато ветер и вода знают все земные тайны. Что говорилось на земле, что делалось — всему они свидетели. Ты, главное, слушай внимательно — тогда они тебе все истории поведают, все песни споют. У каждого своя история, Энни. А раз по земле миллионы миллионов людей прошли, так, значит, и людских историй столько же. Без счету, словом.

— Получается, они — ветер с волнами — и мою историю знают? — прошептала я, потрясенная догадкой.

— Конечно, — выдохнул дедушка и улыбнулся моей запрокинутой мордашке.

— И твою?!

— А как же. Истории-то наши с тобой связаны, родная. Одной без другой и быть не может. У тебя история необыкновенная. Целая жизнь нужна, чтоб рассказать. Даже две жизни — твоя и моя.

Глава 1

Преходящее

И молвил он:

— Не повод для печали,
Что страсть утолена — едва надкушен
Рожок вселенской сахарной спирали.
Знай: чувства, что дыханье нам спирали,
Вернутся через тысячи продушин.

У. Б. Йейтс

Июнь 2001 г.

ГОВОРЯТ, ИРЛАНДИЯ — ЭТО ее мифы. Фейри и компания населили Изумрудный остров задолго до появления англичан — и даже святого Патрика. Мой дед, Оэн Галлахер, высоко ставил миф и мне свое пристрастие передал. Это правильно, ибо в легендах и сказках живут наши предки, наша культура, наши хроники. Из воспоминаний создаются истории, а если не создаются — неминуемо теряются. Исчезнут истории — исчезнут и люди. Я лично помешалась на историях еще ребенком — непременно мне надо было знать о моих предках. Может, потому, что с малолетства несла бремя тяжелой утраты, а может, виной был страх: однажды я тоже уйду, а никто и не вспомнит, что я вообще жила. Я исчезну для мира. Жизнь продолжится,

мир отряхнется от тех, кто умер, заменит старое на новое. Настоящая трагедия, да и только. О человеке должны помнить — и о том, как началась его жизнь, и о том, как она завершилась. Неправильно, если не помнят.

Оэн родился в графстве Литрим в 1915 году, за девять месяцев до Пасхального восстания, навсегда изменившего Ирландию. Его отец и мать (мои прадед и прабабка) погибли; Оэн осиротел прежде, чем узнал родительскую любовь. В этом мы с ним похожи; его утрата как бы перелилась в мою, моя трагедия стала его трагедией. Ибо я потеряла родителей в шесть лет; замкнутая девочка с не в меру живым воображением, я была подхвачена на ветру Оэном. Он спас меня; он меня вырастил. Когда слов во мне накопилось в устрашающем избытке, Оэн просто дал мне ручку и бумагу.

— Не можешь высказать — напиши, Энни. Напиши их все, свои слова. Пристрой их получше.

Так я и сделала.

Впрочем, эта история не похожа на прежние — а я их немало создала. Ибо я собираюсь поведать историю моей семьи, вплетенную в ткань моего прошлого, протравленную в моей ДНК, опалившую мне память. Началось все — если начало вообще можно вычленить — с дедушкиной смерти.

* * *

— У меня в столе есть ящичек, он на замок закрывается, — сказал дедушка.

— Знаю, — поддразнила я. Будто когда-либо пыталась подобрать к замку отмычку. На самом деле я про этот ящичек в первый раз слышала. Я уже

давно перебралась в отдельную квартиру из дедушкиной, что помещалась в особняке из песчаника, расположенном в одном из самых престижных районов Бруклина. И я уже давно называла дедушку просто по имени, Оэн, и не совала свой взрослый нос в его потайные ящички.

— Ключ у меня в кармане для часов, — продолжал Оэн. — Да, вот этот, самый маленький. Действуй.

Я открыла ящичек, извлекла содержимое — пухлый конверт из коричневой бумаги и шкатулку с письмами. Их, наверно, была не одна сотня, причем все аккуратно распределены по пачкам. На миг я задумалась, почему ни одно письмо не вскрыто. На каждом стояла дата, только и всего.

— Давай сюда конверт, — сказал Оэн, не поднимаясь с подушки.

За последний месяц он страшно ослабел, он теперь почти все время был в постели.

Оставив шкатулку, я села к его изголовью. Вскрыла конверт, перевернула. Посыпались реликвии — несколько фотографий, блокнот в кожаной обложке. Последней выпала медная пуговица, совсем гладкая от времени. Ее-то я и взяла, взвесила в ладони. Безделушка, что и говорить.

— Откуда она, Оэн?

Дед сверкнул глазом.

— С куртки Шона МакДиармады*.

* Шон МакДиармада, также известный как Шон Макдермотт (1883–1916), — один из семи лидеров и организаторов Пасхального восстания. В боевых действиях не участвовал, так как перенес полиомиелит и передвигался с тростью. Избежал бы ареста, но был выдан Дэниелом Хоу, тайным агентом дублинской полиции. Казнен 12 мая 1916 г. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Неужели того самого?!

— Конечно. Был — и пребудет — только один Шон МакДиармада.

— А к тебе она как попала?

— Подарили. Ты переверни, переверни. Видишь, инициалы процарапаны?

Действительно, с обратной стороны обнаружилось крохотные буквы: «S» и «McD».

— Так вот, я говорю, пуговица была на куртке Шона МакДиармады... — начал Оэн.

Я эту историю давно знала. Несколько месяцев я собирала материалы для новой книги, посвященной борьбе ирландского народа за независимость от Британии.

— Шон процарапал свои инициалы на пуговицах и монетах и отдал верной Мин Райан* накануне казни. А казнили его за организацию Пасхального восстания, — отчеканила я. Мысль, что в моей ладони — самый настоящий кусочек истории, вызвала трепет.

— Верно. — Оэн чуть улыбнулся. — Шон был родом из Литрима, как и я. Он ездил по всей стране, и всюду приживались привезенные им саженцы Ирландского республиканского братства**. Именно Шон вовлек в борьбу моих отца с матерью.

* Невеста Шона МакДиармады, полное имя — Мэри Джо-зефина Райан. После казни жениха эмигрировала в США.

** Ирландское республиканское братство (ИРБ) — тайная организация, основанная в 1858 г. Джеймсом Стивенсом с целью добиться для Ирландии статуса республики. Военным крылом ИРБ стала Ирландская республиканская армия (ИРА). ИРБ было тесно связано с Братством фениев в США, которое поддерживало ИРБ деньгами и людьми в подготовке восстания в Ирландии. Членов ИРБ также называют фениями.

— Невероятно, — прошептала я. — Оэн, почему ты не подсуетился получить сертификат подлинности этой пуговицы? Она же кучу денег стоит, ей в надежном сейфе место.

— Теперь она твоя, Энни. Обещай, что не подаришь пуговицу человеку, который не представляет ее истинной ценности.

Наши глаза встретились — и волна восторга откатилась с шелестом. Потому что на Оэна жалко было смотреть. Совсем старый, еле живой, измученный болезнью. Скоро он покинет меня, я же к этому не готова. Нет, только не сейчас.

— Оэн, я сама толком этой ценности не представляю, — вымучила я полушепотом.

— Ценности чего?

— Пуговицы.

Пусть говорит со мной как можно дольше, пусть будет в сознании. Я зачастила, ибо недуг Оэна оставил пустоту не только в нем, но и во мне. Требовалось ее заполнить.

— Я уже столько прочла про Ирландию! Горы материалов. Биографии, хроники, дневники — все в голове перепуталось. Насчет самого Пасхального восстания еще более-менее понятно, а вот что дальше было — не разобрать. Сплошные оценочные суждения, обвинения. Хаос, полный хаос.

Оэн рассмеялся, но в смехе была горечь.

— Когда речь об Ирландии, это нормально, Энни.

— Нормально?!

Вот уж утешил так утешил.

— Слишком многие люди крепки задним умом, а когда надо действенное решение предложить — никого с фонарями не сыщешь. Что же до критиканов,

даже все вместе взятые, они прошлого изменить не в силах, — вздохнул Оэн.

— Не представляю, о чем писать. Только приму за истину какое-то одно мнение — натыкаюсь на другое. Просто руки опускаются.

— Ты, Энни, чувствуешь ровно то же, что весь ирландский народ чувствовал в двадцатые. Кстати, это одна из причин моей эмиграции.

Оэн нашарил блокнот и принялся поглаживать порванную обложку. Точно так же его ладонь гладила много лет назад мое темечко. Некоторое время мы оба молчали.

— Ты тоскуешь по Ирландии, да, Оэн?

Вообще-то, мы об этом не говорили. Моя жизнь — точнее, наша с Оэном жизнь — текла в Америке, в городе, кипучая энергия которого могла сравниться только с быстрой ртутью синих глаз Оэна. Что было с моим дедом до того, как я родилась? Откуда мне знать, если Оэн никогда не выражал желания открыть данную тему.

— Тоскую, Энни. По народу ирландскому тоскую. По запахам, по зеленым холмам. По морю. И по этому странному ощущению, словно время не то чтобы остановилось, нет, — словно его вовсе никогда не было. Такова Ирландия! Перемены, бег часов и дней — не для этой земли. Знаешь, Энни, не надо тебе про ирландскую историю писать. Исторических хроник и так без счета. Напиши лучше о любви.

— Даже любовной истории необходим контекст, — возразила я.

— Само собой. — Оэн отзеркалил мою слабую улыбку. — Я хотел сказать, не дай историческим событиям отвлечь тебя от людских судеб и характеров.

И от чувств, разумеется. — Дрожащей рукой Оэн взял одну фотографию, поднес близко к глазам. — Есть дороги, что неминуемо ведут к сердечной боли; есть события, вовлекаясь в которые человек душу теряет — и потом уж так и живет, без души, без сердцевины. Ищет утраченное, бедняга. — Оэн бормотал, будто цитировал некое изречение, некогда услышанное или прочитанное, до сих пор отдающееся в памяти. На слове «бедняга» он вручил фотографию мне, заставил встретить напряженный, даже яростный взгляд неизвестной молодой женщины.

— Кто это, Оэн?

— Твоя прабабушка, Энн Финнеган Галлахер.

— То есть твоя мама?

— Да.

Прозвучало как выдох.

— Слушай, а ведь я на нее похожа!

Открытие польстило мне. Прическа и платье в первый миг сбили меня с толку, но очень быстро я заметила, что гляжу в собственное лицо.

— Поразительно похожа, Энни. Просто вылитая, — согласился Оэн.

— Только она смотрит... как-то мрачно.

— В те дни люди были скупы на улыбки.

— В смысле, вообще не улыбались?

— Почему «вообще»? — фыркнул Оэн. — В жизни — улыбались, перед фотографом — нет. Важность на себя напускали. Так, без улыбки, солиднее казалось. Каждый ведь хотел за революционера сойти.

— А это мой прадедущка, да? — Я взяла другую фотографию, где рядом с Энн Финнеган Галлахер был запечатлен мужчина.